

УДК 94 (581) : 329.3 : 327

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
АФГАНИСТАНА КОНЦА XIX в.**

А.А. Салиев

Рассматриваются особенности внутренней и внешней политики правителей Афганистана, использовавших авторитет духовенства в своих политических интересах.

Ключевые слова: Афганистан; духовенство; геополитика; джихад; Российская империя; Туркестан; Великобритания.

**RELIGIOUS FACTOR IN INTERNAL AND FOREIGN POLICY OF AFGHANISTAN
AT END OF THE XIX CENTURY**

A.A. Saliev

The work considers the features of internal and foreign policy of the rulers of Afghanistan, who used the authority of the local clergy in their political activity.

Keywords: Afghanistan; the clergy; politics; Jihad; the Russian Empire; Turkestan; Great Britain.

Нелишне знать о том, что строго в геополитическом отношении Афганистан конца XIX в. не представлял из себя исключительно мусульманского монолита. У него были свои проблемы с Кафиристаном, территории население которого было языческим. Российский разведчик, полковник Матвеев писал о кафиристанцах, что “за мусульманами они просто охотятся, как за добычей... и из их рук еще никто живым не ушел” [1]. Авторитетные специалисты указывают, что только в 1896 г. афганскому эмиру Абдурахман-хану удалось в основном покорить Кафиристан. После его завоевания афганский эмир стал насильственно обращать население этого региона в монотеизм. Для этого их расселяли среди “сильных” мусульман. Многие кафиристанцы бежали в Читрал и другие соседние владения. Захват Кафиристана и мусульманизация его населения позволила афганскому эмиру принять новый религиозный титул: “зийя аль-миллат ва-д-дин” (“свет нации и религии”) [2]. Естественно, что Англия помогла Абдурахман-хану покорить языческий край, так как, не признавая свою мусульманскую государственную власть, они питали и крайнее отвращение к британцам, о поведении которых в Индии по отношению к местному “туземному” населению они были немало слышаны. На тот период времени в геополитическом отноше-

нии исламизация населения Кафиристана в большей мере отвечала интересам англичан. Аналогичную британской политики в Афганистане можно провести с временами правления Екатерины II в России, когда по указанию императрицы представители татарского духовенства занимались популяризацией ислама в Средней Азии, с тем чтобы хоть как привести сообщества региона, в особенности определенные группы кочевых народов с их довольно размытой языческой субкультурой, не позволяющей упорядочить правовую основу общественных отношений, к единым нормам правоотношений. Ислам как основа права и мировоззрения, приводил общества региона к единой правовой и морально-этической системе отношений как между индивидами, так и между государствами, что естественным образом снимало множество проблем в ведении торговли, политики и налаживании частных контактов и связей между множеством национальностей региона.

Афганский эмир Абдурахман-хан всегда имел самые тесные отношения с исламским духовенством страны, привлекал его к решению многих вопросов внутренней политики. Однако он использовал его возможности и в геополитике Афганистана. Одним из приближенных к эмиру представителей мусульманского “клира” в государ-

стве был так называемый “Гуль-Падишах”, которого в Афганистане знали под именем Сахиб-заде и очень уважали, поскольку он считался потомком “праведного” халифа Омара. Поэтому он имел огромный авторитет среди суннитов Афганистана и десятка тысяч мюридов (50–60 тыс.). Летом 1891 г. российским властям в Туркестане стало известно от российского генерального консула в Хорасане о том, что Гуль-Падишах намерен приехать в Закаспийскую область с целью пропаганды среди туркмен, после чего он намерен отправиться в Мекку по железной дороге до черноморских портов России, откуда морским путем намерен добраться до Джидды – последнему порту перед священным городом ислама [3]. Поскольку генконсул в Хорасане отправлял донесения в МИД России, то оттуда была отправлена соответствующая депеша в Азиатскую часть Главного штаба – орган, при помощи которого военное министерство руководило Туркестанским краем. 22 июня 1891 г. Азиатская часть Главного штаба предупредила начальника Закаспийской области, генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина о том, что во вверенные ему пределы может прибыть известный афганский мусульманский теолог Гуль-Падишах, в связи с чем необходимо принять надлежащие меры. Решительный и последовательный администратор принял их, дав указание своей канцелярии разослать всем местным руководителям распоряжение об усилении полицейского наблюдения за деятельностью Гуль-Падишаха в области. Позже, поскольку архив Закаспийской области был разграблен в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, то не осталось документальных сведений о подрывной деятельности афганского клирика среди туркмен, казахов, каракалпаков и проч. мусульман в области. Но для нас важен тот факт, что религиозные деятели использовались афганским эмиром для достижения тех или иных внешнеполитических целей. Газета “Туркестанские ведомости” писала в 1897 г. о том, что, по сообщениям англичан, афганский эмир Абдуррахман-хан созывал к себе во дворец известных мусульманских законовевов и предложил им составить книгу о священной войне мусульман с неверными – джихаде. И позже сам сделал замечания по этой книге, когда читал ее рукопись [4]. Кроме того, позже были написаны и иные религиозные книги, сочинения, трактаты и т. п., которые должны были оправдать применение религии – ислама в международных делах (геополитике). 5 декабря 1898 г. начальник Штаба войск Туркестанского военного округа, генерал-майор Н.Н. Белявский писал начальнику Азиатской части Главного штаба, генерал-майору

Д.В. Путяте о том, чтобы тот прислал ему книги по исламу, изданные по указанию афганского эмира Абдуррахман-хана, так как в Туркестанском крае они отсутствуют [5]. 22 декабря 1898 г. Путята пообещал найти такую литературу и прислать ее в Ташкент. В итоге, он нашел то, что ему было заказано, но возникла проблема качественного перевода найденных книг. Переводчик был приглашен из учебного отделения восточных языков Первого департамента Министерства иностранных дел. Позже эти переводы были направлены в Штаб Туркестанского военного округа. Однако главный труд, заказанный афганским эмиром Абдуррахманом и написанный муллой Мухаммед Азим-ханом – “О священной войне (джихад)”, доставала сама туркестанская администрация. В начале 1899 г. в Афганский Туркестан, так называемый “Чорвилайет”, был направлен со специальным заданием раздобыть эту книгу Генерального штаба капитан Л.Г. Корнилов, будущий незадачливый российский “диктатор” (в 1917 г.). Он выполнил задание и привез требуемую книгу. 10 апреля 1899 г. туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской писал в рапорте военному министру А.Н. Куропаткину о том, что эту книгу перевел на русский язык поручик Яковлев, а директор Ташкентской учительской семинарии, действительный статский советник Н.П. Остроумов наблюдал за переводом и отредактировал его. И этот перевод будет опубликован в “Сборнике материалов по мусульманству”, который издается в Ташкенте [6]. Это соответствовало действительности, так как книга была издана на русском языке в Ташкенте. На титульном листе сверху было написано: “Это книга, в которой нет сомнения”. “Благодарение Богу! Эта душеспасительная книга по августейшему приказанию того, чей авторитет достигнет неба, названная: Слова амира городов о побуждении к священной войне. Составлена приближенным эмира, покровителя сейидов, муллой Мир-Мухаммед-Азим-ханом да продлится его благополучие. Напечатана в столичном городе Кабуле В 1304 году гиджры” (1886 г. – А.С.) [7]. Есть основания полагать, что содержание подобной литературы, несмотря на неграмотность подавляющего большинства населения в Афганистане и Туркестане, тем не менее, было известно массам мусульманского населения – о том в проповедях говорили муллы. И оно фанатизировало мусульманское население. Например, участников Андижанского восстания 1898 г. Видный российский исламовед и туркестанский деятель Н.П. Остроумов писал в предисловии к переводу книги муллы Мир-Мухаммед-Азим-хана о том, что “в андижанских беспорядках прошлого

(1898 г. – А.С.) года прямое или косвенное влияние афганского амира также не подлежит сомнению, о чем высшей администрации Туркестанского края известно” [8]. И он был прав. Правительственная комиссия под председательством генерала Н.И. Королькова, расследовавшая причины Андижанского мятежа 1898 г. отмечала, что свою роль в нем сыграла политика афганского эмира Абдуррахмана, который в конце 1896 г. принял новый титул: “Блюститель веры” и начал чеканить особую золотую монету с целью образования фонда “священной войны”. Кроме того, эмир издал под своей редакцией две книги о джихаде [9]. Комиссия указывала, что в Туркестане развелось много афганских агентов, которых вылавливали на местах русские военные. Любопытно, что из перевода вышеуказанной книги были сделаны специальные выписки, представленные потом царю Николаю II [10]. Здесь были выбраны те места, где содержались наиболее агрессивные призывы к войне с “неверными”, а, точнее, к их истреблению. Кроме книг, среди мусульманского населения Туркестана широко распространялись листовки, поступающие из Афганистана. Так, 27 сентября 1909 г. офицер 4-й Туркестанской стрелковой бригады, штабс-капитан Чайковский докладывал в Штаб ТуркВО о том, что в Афганистан завезено много листовок на “туземных” языках для мусульман Туркестанского края, а также Бухарского и Хивинского ханств, в которых говорилось о планах Англии и России разделить между собой Афганистан и все другие соседние мусульманские владения. Листовки призывали объявить джихад и не допустить реализации планов “неверных” [11]. Таким образом, религиозные листовки широко обращались в орбите геополитических действий Афганистана в Центральной Азии. Представляется очевидным, что эмир Абдуррахман-хан в своих религиозно-теоретических опытах поддерживал “кадимизм”, т. е. консервативный, догматический ислам. Если представители Турции проповедовали в Средней Азии, в основном, вероучение Пророка в “прогрессивистской” модификации, то афганская агентура в этом регионе поддерживала связи и привлекала к своей деятельности конформистов из среды мусульманского духовенства. Полагаем, что афганский правитель действовал более надежно, поскольку идеи исламского “прогрессизма” – джадидизм – поддерживали преимущественно образованные мусульмане, тогда как подавляющее их большинство отвергали любые изменения веры. Думается, что поэтому афганская агентура предпочитала работать в среднеазиатских ханствах, особенно в Бухарском, где господствовало “кадимистское” духовен-

ство, тогда как в российском Туркестанском крае многие мусульмане, не исключая и представителей исламского “клира”, уже были обработаны на “оселке” пришлой цивилизации. К тому же афганским “агитаторам” было легче проникать из ханств в Туркестанский край – границы были фактически прозрачны. Начальник Туркестанского районного охранного отделения, подполковник Андреев писал директору Департамента полиции МВД в 1910 г. о том, что “родственное по религиозным убеждениям, по быту и нравам население Афганистана... имеет непрерывные сношения с населением Бухары... Афганистан изучает Бухару в стратегическом и тактическом отношениях, Афганистан имеет в Бухаре и во всем Туркестанском крае военный и политический шпионаж” [12]. Глава туркестанской “охранки” отмечал, что Афганистан снабжает Бухару оружием. Особенно активизировалась деятельность афганской агентуры в годы Первой мировой войны. Несмотря на то, что “сюзерен” Афганистана, Великобритания, была союзницей России в войне, афганский эмир Хабибулла-хан вел против нее подрывную работу, возможно, даже с ведома англичан, не заинтересованных в усилении российских позиций в Центральной Азии. Так, в Бухаре обосновался под личиной “торгового агента” афганский резидент Хаджи-Абду-Наби Хан-Мухамеджанов, который достаточно открыто вел подрывную деятельность против России. Во время строительства Бухарской “ветки” железной дороги его агенты призывали “работавших мусульман к оставлению работы, доказывая им, что Бухарская дорога строится, якобы, во вред Афганистану, а следовательно, рабочие-мусульмане собственными руками ускоряют свою гибель” [13]. Выяснилось, что афганец занимается шпионажем и установил связи с мусульманскими экстремистами-“маджиддинами” в Туркестанском крае. Для русской контрразведки пресечь деятельность Хаджи-Абду-Наби было сложно, поскольку, во-первых, статус торгового агента охранялся российским МИДом, во-вторых, он жил на территории формально независимого Бухарского ханства, в-третьих, во время войны Россия не хотела обострять отношения с Афганистаном, поддерживавшим связи с враждебной Турцией. Недаром туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в своем последнем “всеподданнейшем” отчете от 22 февраля 1917 г. писал о том, что “с выступлением против нас Афганистана, нельзя ручаться, что мусульманское население Бухары и даже всего Туркестана останется спокойным” [14]. И в этих его словах заключался глубокий смысл взаимосвязи религии и геополитики в Центральной Азии рассматриваемого периода.

Указывая на существование такой взаимосвязи в Центральной Азии, правая российская газета “Колокол” писала в начале 1912 г.: “Афганистан хочет подготовить мусульманское население Туркестана к панисламистскому движению, а затем встать во главе “газавата” для освобождения мусульман из-под власти неверных и это его задача, которую мы не хотим видеть, как не желали видеть приготовлений Японии к маньчжурской войне” [15]. Газета сообщала, что афганский эмир Хабибулла-хан, вернувшись из поездки в Британскую Индию, говорил в 1908 г. перед народом: “У Афганистана в данное время только один враг – наша соседка Россия, недавно побежденная Японией”. Он указывал, что Афганистан пока не готов к войне с русскими, так как ему нужны реформы, однако он рано или поздно должен “прийти на помощь поработенным Россией мусульманским ханствам в их стремлении к самостоятельному существованию” [15]. Весной 1913 г. газета “Колокол” писала о том, что в Афганистане сильно развиваются идеи панисламизма и это не может не влиять на положение российских территорий в Средней Азии [16]. В том же году эта же газета отмечала, что в пропаганде панисламизма в Туркестанском крае и ханствах впереди идет Афганистан, который ставит цель оторвать от России Среднюю Азию и создать под своей эгидой “великое исламское государство” [17]. “Военно-исторический журнал” писал о том, что афганский эмир присылал сотнями Кораны мусульманам Туркестана, связывая их получение клятвой верности ему как духовному главе всего мусульманского мира.

В народе распространялась легенда о том, что давно умерший мусульманский святой Аттар в своей книге предрекал, что в 1331 г. хиджры (1913 г. – А.С.) в Афганистане будет править царь по имени Хабибулла, который завоюет весь мир. “Эта легенда, умело толкуемая муллами и ишанами, производит на слушателей глубокое впечатление” [18]. О геополитических амбициях афганского эмира писал зарубежный исследователь Г. Элдер, отмечавший, что он надеялся создать “сильное исламское государство, которое может однажды подняться на южных границах России в тесном союзе с англичанами в Индии и угрожать тем самым беспокойным мусульманским территориям России” [19]. Естественно, что эмир Абдурахман-хан исполнял роль геополитической угрозы не только по указке англичан, но и по причинам мусульманской религиозной солидарности с соседним и дальним исламским миром. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков писал 20 февраля 1913 г. председателю Совета министров В.Н. Коковцеву о том, что

агент афганского эмира в Мешхеде заявил бухарскому представителю о том, что в недалеком будущем афганский эмир “объявит России войну, которая обязательна для всех мусульман как священная война и мусульмане должны принять участие в этой войне с неверными (т. е. русскими) и душой, и имуществом” [20]. В таком его устремлении совершенно явственно просматривалась связь религии с геополитическими планами Афганистана в Центральной Азии.

Таким образом, можно свидетельствовать о том, что Афганистан, несмотря на свою всестороннюю отсталость, был важным субъектом в геополитике держав в Центральной Азии. Этот статус определялся его значимым географическим положением, чем он выгодно отличался от таких же отсталых среднеазиатских ханств – Бухарского и Хивинского. Будучи “буфером” между двумя крупнейшими империями планеты – Британской и Российской, Афганистан неизбежно стал зависимым государством от Англии. Вместе с тем, как явствует из вышеизложенного, он пытался играть и самостоятельную роль в геополитике. В этом ему помогал статус истинно религиозного мусульманского государства, в котором многие приверженцы веры Пророка в Центральной Азии склонны были видеть защитника своих интересов и симпатизировали ему. Это одинаково озадачивало как Россию, так и Великобританию. Есть основания полагать, что в своих отношениях по Афганистану, они достигали не только явных, но и тайных соглашений в интересах еврохристианской цивилизации.

Вместе с тем, Британия активно использовала религиозный фактор в афганской политике, глубоко осознавая невероятный ресурс мобилизации целых народов. Именно глубокое знание теологии и игра по правилам локальных лидеров позволили британской короне довольно успешно, прочно и долго склонять на свою сторону рядовых мусульман в решении геополитических задач в регионе, даже в условиях их колониальной оккупации.

Представляется важным отметить то обстоятельство, что гибкость религиозно-геополитического поведения помогла “буферному” Афганистану сохранить, а позже (после революции и гражданской войны в России) укрепить свою независимость и полный суверенитет.

Литература

1. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп.1. Д. 16 – Отчет о поездке начальника штаба войск Сырдарьинской области по Бухарским и Афганским владениям (1879 г.). Л. 65, об.
2. История Афганистана. М., 1982. С. 182.

3. См.: ЦГА Тур. Ф. 1. Оп.2. Д. 62 – По поводу проезда из Герата в Закаспийскую область фанатика Гуль-Падишаха. Л. 1.
4. Туркестанские ведомости. 1897. № 36.
5. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана “О священной войне (джихад)”. Л. 1.
6. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана “О священной войне (джихад)”. Л. 10.
7. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана “О священной войне (джихад)”. Л. 11.
8. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана “О священной войне (джихад)”. 22 декабря 1898-8 декабря 1899 г. Л. 12, об.
9. РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты Командующего войсками Туркестанского военного округа и Военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы. Отчет генерал-лейтенанта Королькова. 1899. Л. 10, об.
10. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана на “О священной войне (джихад)”. 22 декабря 1898-8 декабря 1899 г. Л. 51–53.
11. ЦГА Кыргыз. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1 – Секретные бумаги к сведению. Л. 110.
12. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): сборник материалов / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 295.
13. ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1915. Д. 365. Л. 37а, об.
14. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 24 – Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора (секретно) от 22 февраля 1917 года. Л. 9, об.
15. *Руслан-Русланский*. Почему России опасны афганские вождения? / Руслан-Русланский // Колокол. 1912. 20 января.
16. Панисламизм в Средней Азии // Колокол. 1913. № 2104. 26 апреля.
17. Колокол. 1913. № 2104. 26 апреля.
18. Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 83.
19. *Alder G.J.* British India's Northern frontier. 1865–1895. A study of imperial policy / G.J. Alder. London, 1963. P. 178.
20. РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 530. Д. 863 – Наряд донесений о привлечении за революционную деятельность, распространение революционных изданий по Ташкентской судебной палате. (1913). Л. 124, об.